

УДК 811

UDC

DOI: 10.17223/18572685/80/9

Явления лексической интерференции в речи старообрядцев – реэмигрантов из Южной Америки на Дальний Восток России

Н.Г. Архипова

Амурский государственный университет

Россия, 675027, г. Благовещенск, Игнатьевское шоссе, 21

E-mail: charli71@mail.ru

Авторское резюме

Старообрядцы – реэмигранты из Южной Америки на Дальний Восток России являются потомками старообрядцев часовенного толка, эмигрировавших в первые десятилетия XX в. из России в Китай, а затем в 1940–1950-е гг. переселившихся в Южную Америку. В начале XXI в. начался процесс их возвращения на историческую родину – в Россию, в том числе на Дальний Восток. В настоящее время на территории Амурской области проживают более тридцати старообрядцев-реэмигрантов, с каждым годом их количество увеличивается, что, несомненно, влияет на диалектный ландшафт региона, в связи с чем изучение явлений внешней и внутренней лексической интерференции актуально. Многочисленные передвижения старообрядцев как в метрополии, так и вне её пределов сформировали особую языковую среду, практические не изученную с точки зрения семантического осознания и структурной адаптации, что объясняет новизну поставленной проблемы. Объектом изучения являются адаптированная к системе говора лексика иноязычного происхождения, дальневосточные регионализмы, лексемы современного русского литературного языка, являющиеся синонимами-дублетами диалектных слов говора старообрядцев. Материал получен методом сплошной выборки из аудиозаписей диалектной речи, рукописей старообрядцев, книги писателя-старообрядца Д.Т. Зайцева «Повесть и житие Данилы Терентьевича Зайцева». Выделяются типы носителей говора в зависимости от особенностей их языковой компетенции; описываются наиболее типичные лексико-семантические группы, включающие в свой состав лексику, появившуюся в говоре в результате интерференции. Иноязычная лексика охарактеризована с точки зрения семантической и грамматической адаптации. Данные социолингвистических наблю-

дений показывают, что старообрядцы владеют среднерусской диалектной формой русского языка, сложившейся на северорусской основе; они обучались русской грамоте в домашней среде; их письмо преимущественно фонетическое. Языковая компетенция старообрядцев-реэмигрантов обусловлена многими факторами, в том числе принадлежностью к определенному поколению и стране исхода; включенной в социально-экономические отношения с государством и его гражданами; интенсивностью миграции внутри Южной и Северной Америки; индивидуальными особенностями языковой личности и другими факторами. Выделены лексико-семантические группы, в которых зафиксирована лексика иноязычного происхождения. Внутренняя интерференция представлена лексикой современного русского литературного языка и дальневосточными регионализмами, прежде всего единицами предметной семантики, функционирующими в разговорном дискурсе и денотативно соотнесёнными с наименованиями человека, болезней и болезненных состояний, пищевых продуктов и блюд, фруктов и овощей, наименованиями бытовой утвари и орудий труда и т.д.

Ключевые слова: старообрядцы, реэмигранты, Южная Америка, говор, интерференция, лексика, заимствования

Lexical interference in the speech of Old Believers-re-emigrants from South America to the Far East of Russia

Nina G. Arkhipova

Amur State University

21 Ignatievskoye Highway, Blagoveshchensk, 675027, Russia

E-mail: charli71@mail.ru

Abstract

The Old Believers – re-emigrants from South America to the Far East of Russia are descendants of Old Believers of the Chasovennyi type who emigrated in the first decades of the 20th century from Russia to China and then moved to South America in the 1940s – 1950s. These communities began returning to their historical homeland, including the Far East, in the early 21st century. Currently, over thirty such Old Believer re-emigrants reside in the Amur Region, a number that increases annually, which is altering the region's dialectal landscape, making the study of external and internal lexical

interference particularly relevant. The group's complex migration history, spanning both within and beyond the metropolis, has fostered a unique linguistic environment which remains largely unexamined in terms of semantic awareness and structural adaptation, a gap that underscores the novelty of this research. The study focuses on vocabulary of foreign origin that has been integrated into the speakers' linguistic system, Far Eastern regionalisms, and lexical units from modern Standard Russian that serve as synonyms for dialectal terms. Data were collected through continuous sampling from audio recordings of conversations with Old Believers, their manuscripts, and the book *The Story about the Life of Danila Terentyevich Zaitsev* by the Old Believer writer Danila T. Zaitsev. The paper identifies types of local accents depending on the specifics of speakers' linguistic competence and describes the most typical lexical-semantic groups exhibiting language interference. Borrowed vocabulary is analyzed in terms of its semantic and grammatical adaptation. Sociolinguistic observations indicate that the Old Believers speak a Middle Russian dialectal form of the language, which developed on a Northern Russian basis. They were taught Russian literacy in a home environment, resulting in a predominantly phonetic writing system. The linguistic competence of Old Believer re-emigrants is influenced by multiple factors, including generational cohort, country of origin, level of engagement in socio-economic relations with the state and its citizens, the intensity of migration within the Americas, and individual linguistic profiles. The study highlights specific lexical-semantic groups where foreign-origin vocabulary is recorded. Intralingual interference is evident from Modern Standard Russian and Far Eastern regionalisms, primarily affecting the subject-oriented semantics of conversational discourse. This includes vocabulary related to personalities, diseases and medical conditions, food products and dishes, fruits and vegetables, household utensils, and tools.

Keywords: Old Believers, re-emigrants, South America, dialect, interference, vocabulary, borrowings

Введение

Старообрядцы – реэмигранты из Южной Америки на Дальний Восток России представляют собой уникальную этноконфессиональную группу с особым языком, духовной и материальной культурой. Многочисленные их передвижения как в метрополии, так и вне её пределов сформировали уникальную среду, практические не изученную с точки зрения истории, языка и культуры, что объясняет научный интерес к заявленной теме.

Актуальность изучения явлений лексической интерференции в речи старообрядцев, родившихся или долгое время проживших в

Южной Америке, а позднее вернувшихся на свою историческую родину, в Россию, обусловлена необходимостью понять, какие явления происходят в языках замкнутых этносов в условиях постоянной миграции, в том числе в инокультурном окружении.

Старообрядцы зарубежья считают себя исконно русским населением, выполняющим особую миссию сохранить для потомков историю России, родной язык, «оставить потомству веру, культуру и всё само наилучшее», «сохранить чистоту душевною и телесною»; «сохранить свою родину и быть русским» [14]. На протяжении многих десятилетий они испытывали социально-культурное и языковое влияние со стороны принимающих стран и народов, что не могло не отразиться на формировании особой языковой картины мира, сформировать особый исторический путь, особый язык.

Все материалы для проведённого исследования получены автором во время экспедиций к старообрядцам, вернувшимся в Амурскую область из зарубежья: составлен опросник; проведены беседы с информантами (Фёдор Савельевич К. (1940 г. р.), Агрипина Ан.-Ег. (1985 г. р.), Гликерия К. (1997 г. р.), Ия Р. (2003 г. р.), Агния Р. (1999 г. р.), Трифена Р. (1991 г. р.)), проживающими в с. Новгородка Свободненского р-на и с. Волково Благовещенского р-на; изучена рукопись Фёдора Савельевича К., датированная 2022 г. и повествующая об истории и генеалогии рода Килиных-Реутовых; получены аудио-, видео- и фотоматериалы, демонстрирующие факты языковой и культурной интерференции. Восполнен фактологический пробел об эмиграции старообрядцев в Китай из Амурской области. На примере рода Фёдора Савельевича К. выявлены конкретные места проживания старообрядцев к Китаю и Южной Америке, путь возвращения в Амурскую область по территории России.

Цель исследования – выявить факты лексической интерференции, доказывающие подвижность диалектной системы говоров старообрядцев, обусловленную культурным и языковым контактированием.

Интерференция как «случаи отклонения от норм каждого языка, происходящие в речи билингвов в результате их знакомства с более чем одним языком», является результатом языкового контакта, под которым понимается «личевое общение между двумя языковыми коллективами» [11: 22]. Иными словами, «интерференция – взаимодействие языковых систем в условиях двуязычия, складывающегося либо при языковом контакте, либо при индивидуальном усвоении неродного языка» [12: 197].

Объектом изучения является адаптированная к системе говора лексика иноязычного происхождения (167 слов), дальневосточные регионализмы (23 слова), лексемы современного русского литера-

турного языка, являющиеся синонимами-дублетами диалектных слов говора старообрядцев (17 слов). Материал получен методом сплошной выборки из аудиозаписей бесед со старообрядцами [22], рукописей, созданных старообрядцами [22], книги писателя-старообрядца Д.Т. Зайцева «Повесть и житие Данилы Терентьевича Зайцева» [14].

Выделяются типы носителей говора в зависимости от особенностей их языковой компетенции; описываются наиболее типичные лексико-семантические группы, включающие в свой состав лексику, появившуюся в говоре в результате интерференции. Иноязычная лексика охарактеризована с точки зрения семантической и грамматической адаптации.

Тематическая классификация собранного материала, выявление семантики и сферы употребления лексических единиц разных групп позволяет сделать выводы о динамических процессах, происходящих в говорах старообрядцев-реэмигрантов. Заимствованные единицы сопровождаются эквивалентами русского языка, даются комментарии при формальном или семантическом расхождении в структуре лексического значения.

Источниками верификации материала послужили двуязычные испанско-русский, португальско-русский, англо-русский словари [1; 9; 10], а также Словарь русских народных говоров [20].

Основные методы исследования – общенаучные методы анализа и интерпретации, методы полевого сбора материала (опрос, интервьюирование, включенное наблюдение), методы социолингвистического анализа, в том числе анкетирование, методы собственно лингвистического анализа (тематическая классификация, словарная выборка и др.).

Исторический путь старообрядцев Амурской области

Население Амурской области сложилось к первым десятилетиям XX в. в результате движения сложных миграционных потоков как из Центральной России, Сибири, Забайкалья, так и из Беларуси, Украины, Польши, Румынии и др.

В научных источниках конца XIX – начала XX в. практически не фиксируют конфессиональный статус переселенцев на Дальний Восток Российской империи. В географо-статистических изданиях [15], Погодных ведомостях [18; 19] обычно употребляется слово «раскольники», называющее не только старообрядцев, но и молокан, духоборов и представителей других конфессиональных групп в противопоставление православному христианству, что значительно осложняет историю изучения вопроса.

Прибывать в Амурскую область старообрядцы начали с 50–60-х гг. XIX в. На них была возложена миссия сельскохозяйственного освоения обширных левобережных приамурских территорий. Позднее по приглашению губернатора Восточной Сибири графа Н.Н. Муравьева-Амурского старообрядцы переселялись на Дальний Восток преимущественно для обслуживания почтовых трактов между Сибирью и Камчаткой [17; 21].

Первые поселенцы – беспоповцы (семейские, поморцы, часовенные, кержаки) и «австрийцы» [13].

В конце XIX – начале XX в. начинается переселение старообрядцев на восток России из Австрии, Румынии, Болгарии, Турции [16: 15–28]. В период с 1907 по 1912 г. наблюдается резкое увеличение количества старообрядцев в Амурской области за счёт липован – русских старообрядцев, вернувшихся в Россию из Румынии и компактно поселившихся в Свободненском районе (с. Климоутцы) [21: 293].

Старообрядческие поселения Амурской области образовывались главным образом с 1858 по 1912 г. несколькими путями: переселением из других регионов, внутренней миграцией и созданием временных поселений для выполнения различного рода хозяйственных работ (пасеки, пчельники, выселки, заимки и др.); путём выделения наделов женатым сыновьям.

В инородной религиозной и культурной среде старообрядцы различных толков и согласий всегда стремились поддерживать связи на общинном и семейном уровнях, что в условиях Амурской области часто приводило к нивелировке разногласий между сторонниками старообрядческих течений, а осознание себя семейскими, поморцами, кержаками и подобным группам носило скорее региональный, чем религиозный характер.

В первые десятилетия XX в. стал очевиден приход советской власти на Дальний Восток, что повлекло за собой интенсивную эмиграцию старообрядцев в соседний Китай. В г. Харбине и его окрестностях образовалось несколько старообрядческих поселений [2–4].

В 1919–1920 гг. из-за Гражданской войны, охватившей Амурскую область, многие старообрядцы переселялись г. Хабаровск, а позже – в Приморье, Никольск-Уссурийский, а затем – в г. Харбин [23: 8]. Часть старообрядческих семей из Приморья, спасаясь от коллективизации и репрессий, эмигрировали в Трехречье и Маньчжурию и недалеко от г. Харбина основала деревни Романовку, Коломбо, Чипигу (Масаловку), Медяны и др. [1: 212].

В исторических источниках нет описания фактов прямого переселения старообрядцев из Амурской области в Китай, однако есть свидетельства о том, что отдельные семьи амурских семейских в

30-е гг. присоединялись к казачьим отрядам, переходили русско-китайскую границу и уже на территории Китая подселялись в русские приграничные села, а также русские поселения в близи г. Харбина [5; 6].

Во второй половине 1940-х – 1960-е гг. старообрядцам пришлось уехать из Китая в Австралию и Южную Америку, откуда впоследствии часть из них эмигрировала в Канаду и США. Однако был и обратный путь – в Советский Союз. Как отмечает Ю.В. Аргудяева, «с приходом в Маньчжурию в 1945 г. Красной Армии часть мужчин из старообрядческих деревень увезли в СССР и подвергли репрессиям. Оставшиеся семьи расселились в разных местах Маньчжурии; в 1950–1960-е гг. некоторые из них вернулись в Советский Союз, но большинство уехали в Австралию и Бразилию, откуда позднее перебрались в США и Канаду» [1: 214]. В настоящее время наблюдается процесс возвращения в Амурскую область старообрядцев часовенных («харбинцев») из Бразилии, Уругвая, Чили и других стран Южной Америки [5].

Таким образом, в своеобразных geopolитических условиях Дальнего Востока процесс формирования старообрядчества прошел несколько этапов, что повлияло на религиозное, духовное и культурное своеобразие этой группы населения.

Характеристика старообрядческой общины

Русские старообрядцы Южной Америки – это потомки старообрядцев, во второй половине 1940-х – 1950-е гг. эмигрировавших в Уругвай, Бразилию, Боливию из Китая, ранее вынужденно переселившихся под Харбин и Синьцзян из Советской России. В начале XXI в. начался процесс возвращения главным образом их третьего поколения на историческую родину – в Россию, в том числе на Дальний Восток.

В Амурскую область старообрядцы-реэмигранты начали прибывать в 2016 г. из Уругвая: в это время община насчитывала 16 человек. К 2024 г. численность старообрядцев увеличилась на 9 человек за счёт естественного прироста и переезда новых членов общины из Бразилии и Чили. В настоящее время община насчитывает более 25 человек. В перспективе предвидится массовый переезд старообрядцев из Южной Америки на Дальний Восток России, что, несомненно, будет влиять на диалектный ландшафт региона.

Предки информантов в 1930-е гг. эмигрировали из Приамурья под китайский Харбин, а затем в 1949 г. перебрались в Южную Америку, в Бразилию в штат Парана, район Понта-Гросса и поселились около фазенд Санта-Крус и Полмейро. Затем переехали в д. Офир в Уругвае. Именно здесь, по мнению информантов, находится «корень» старообрядческих колоний Северной и Южной Америки [22].

Родиной предков старообрядцев-реэмигрантов Амурской области является деревня Кутора в Томской губернии Российской империи, здесь они жили до 1890 г. В течение 3 лет «кочевали» в Амурскую область и обосновались на заимке на реке Бурея. В 1930 г. переехали в Хабаровский край (деревня Берёзовка), затем в Приморский край (д. Дерсу). В январе 1933 г. эмигрировали в Китай (д. Чипигу (январь 1933 г.), д. Сытохэзу (1937 г.)). В 1960 г. переехали в Бразилию, в 1966 г. – в Уругвай. «Кочевали» по странам Южной Америки. В 2008 г. вернулись в Россию: в г. Белгород (2008–2009 гг.), с. Дерсу Приморского края (2009–2016 гг.), с. Новгородка Амурской области (2016–2025 гг.). В феврале и мае 2025 г. старейшины рода Фёдор Савельевич К. и Татьяна Ивановна М. переехали на реку Енисей в Дубченский старообрядческий беспоповский скит Томской области.

Многочисленные передвижения второго–пятого поколений старообрядцев как в Южной Америке, так и по территории России сформировали особую языковую картину мира, особую языковую компетенцию. Старообрядцы зарубежья идентифицируют себя как русские, утверждая сохранение ими языка, культуры, веры: «Мы оказались по ту сторону истории, что сохранили говор чисто русский, испоконной язык неисковерканый, за границей сохранили все качества, драгоценны для жизни, это клад телесный и духовный» [14].

Характер языковой компетенции старообрядцев-реэмигрантов обусловлен не только миграцией, но и другими факторами, что будет рассмотрено далее.

Языковая компетенция старообрядцев-реэмигрантов

Языковая компетенция старообрядцев-реэмигрантов обусловлена многими факторами [8: 44]:

1. Принадлежность к поколению. В настоящее время в Амурской области проживают старообрядцы зарубежья второго–пятого поколений в возрасте от 18 до 75 лет. Шестое поколение – дети, рождённые в России.

Старообрядцы второго поколения владеют разговорными формами китайского и английского языков, уругвайским вариантом испанского языка. В их русской диалектной речи отмечаются заимствования из всех названных языков. Старообрядцы последующих поколений не владеют китайским языком. Для детей диалектная форма русского языка является единственной формой вербальной коммуникации.

2. Принадлежность к стране исхода. Русский язык выходцев из Уругвая в меньшей степени, чем русский язык реэмигрантов из других стран Южной Америки, подвержен интерференции. Это обусловлено

многочисленностью членов общины, компактным проживанием в пределах 2–3 больших поселений, наличием многопоколенных семей, функционированием «домашних» школ, отдалённостью от школ с обучением на уругвайском варианте испанского языка, наличием авторитетных глав религиозных соборов и другими факторами.

Выходцы же из Бразилии в совершенстве владеют бразильским вариантом португальского языка. Многие обучались в бразильских начальных школах. В их речи наблюдается как свободное «переключение» с одного языка на другой, так и наличие в русской речи большого числа заимствований из бразильского варианта португальского языка на уровнях «усвоения» и «укоренения».

3. Включенность в социально-экономические отношения с государством и его гражданами. Выходцы из Уругвая в Южной Америке были заняты главным образом сельскохозяйственным производством в рамках личного хозяйства, мало контактировали с государственными органами и местными жителями.

Для многих выходцев из Бразилии третьего и четвертого поколений эмигрантов португальский вариант бразильского языка является основным языком делового общения: они активно вступают в контакты как с представителями государства, так и с местными жителями, нанимают работников-бразильцев, выходят замуж за бразильцев и женятся на бразильянках. В разговорах по телефону с родственниками, оставшимися в Бразилии, с детьми в своей семье они пользуются бразильским вариантом португальского языка. Иногда старообрядцы не могут по-русски выразить свои мысли.

4. Интенсивность миграции внутри Южной и Северной Америки. Было отмечено, что активность миграции внутри континента напрямую обуславливает активность проникновения иноязычной лексики в говор: чем чаще старообрядцы переезжают с места на место, тем большее количество иноязычных слов проникает в их русскую речь.

5. Индивидуальные особенности языковой личности. Семейные традиции, авторитет родителей, понимание идеи о необходимости и престижности родного языка, а также индивидуальные особенности личности формируют отношение к языку страны проживания, что, несомненно, позволяет выделить нетипичные случаи сформированности языковых компетенций старообрядцев в рамках общих тенденций владения языком.

В целом, в речевой практике старообрядцев существует не менее четырёх языков. Информанты в разной степени владеют бразильским вариантом португальского языка, английским и диалектным вариантом русского языка, понимают по-испански и по-китайски, что свидетельствует об активных контактах старообрядцев с народами, для которых данные языки являются родными.

В настоящее время в Амурской области старообрядцы-реэмигранты, обладающие разными языковыми компетенциями, проживают очень компактно в пределах одного села, их говор находится в стадии формирования, и вопрос о системности интерферированной лексики в их речи остаётся открытым в связи с неоднородностью их языковых компетенций.

Далее рассмотрим явления внешней и внутренней лексической интерференции в говоре старообрядцев-реэмигрантов, факты стилистической дифференциации заимствованных слов, деривационные связи и особенности функционирования.

Явления лексической интерференции

Лексическая интерференция в говорах старообрядцев проявляется в составе многих лексико-семантических групп, включающих помимо общерусских и диалектных слов лексику, заимствованную из языков Южной и Северной Америки [8].

Было выделено несколько лексико-семантических групп, в которых заимствованная лексика представлена наиболее широко:

1. Наименования человека:

А. Наименования человека по возрасту: *бебка, бебечка* [исп. *bebé*] «маленький ребёнок, ребёночек».

Б. Наименования человека по стране проживания, национальности, владению языками Южной Америки: *боливьюха/боливьянка* [исп. *boliviana*] – «боливийка»; *боливьянец, мн. ч. боливьянцы* [исп. *boliviano*] – «боливиец»; *бразильян/бразильянин, мн. ч. бразильяны* [исп. *brasileño*] – «бразилец»; *мексикан/мексиканин, мн. ч. мексиканы* [исп. *mexicano*] – «мексиканец»; *гринга* [исп. *gringo*] – «иностраник, не говорящий по-испански (по-португальски)»; *чиленец* [исп. *chileno*] – «чилиец», *чиленка* [исп. *chilena*] – «чилийка».

В. Наименования человека по роду деятельности: *агрикультор* [исп. *agricultor*] – «земледелец, крестьянин, фермер»; *директора* [исп. *directora*] – «женщина – директор школы»; *префейто* [порт. *prefeito*] – «мэр»; *продуктор* [исп. *productor*] – «производитель овощей и фруктов»; *профессор* [исп. *profesor*] – «учитель»; *стансёр* [исп. *estanciero*] – «фермер, землевладелец»; *съентифик* [исп. *científico*] – «ученый».

Г. Наименования человека по его качествам: *стратега* [исп. *estratega*] – «стратег»; *идиот* [порт. *idiota*] – «человек, совершающий неразумные поступки»; *интеллигента* [порт. *inteligente*] – «умный, развитый, образованный человек».

Отметим, что в подгруппе «Семья и духовные родственники» заимствования не обнаружены. Однако вместо слова *семья* может употреб-

бляться лексема *фамилия* [исп. *familia*] – «семья»; двоюродный брат (диалектное *братан*) и двоюродная сестра (диалектное *сеструха/сестренница*) могут называться *примо* и *прима* [исп. *primo*] – «кузен».

Д. Имена и прозвища [7: 94–95].

В последние годы при выборе имени наблюдается тенденция к поиску испанского или португальского соответствия русскому: *Доминика* (*Домна*), *Дамиан* (*Демьян*) и др.: «У меня три сестры: Прасковья, Доминика, Синклитикя, брат Кирилл, сын Дамиан» [22].

Наблюдается замена крестильного имени португальским или испанским вариантом: *Афонсо* (Афанасий), *Даниэль* (Данила), *Дамиао* (Демьян), *Абрао* (Абрам). Обычно таким именем старообрядцы представляются коренным жителям стран Южной Америки: соседям, чиновникам и представителям власти, под этим именем учатся в школе, это имя сами старообрядцы указывают в социальных сетях: «Ай, Даниель–Даниель, сос инкреибле»; «Вышла дочь, узнала, что я самый и есть Даниель – мня весь Уругвай знал как хорошего рыбака»; «Я родитель Андрияна, Даниель Зайцев, приятно с вами познакомиться» [14]. От иноязычного имени возможно образование дериватов с испанскими (португальскими) словообразовательными формантами: «–Даниелито, женатой, нет?» [14].

При произнесении иноязычного соответствия русскому имени наблюдается фонетическая интерференция с испанским или португальским языками, а также отмечается стремление произнести это имя в соответствии с грамматической нормой иностранного языка. Например, отсутствует редукция; у имен, оканчивающихся на -о, не отмечена система склонения: «Мы только гостили у Афонсо»; «В школе он себя Дамиао называл» [22].

Так появляются широкие ряды антропонимов, включающие разнородные по происхождению компоненты, например: *Афанасий* – *Афония* – *Афонсо*; *Даниил* – *Данил* – *Данила* – *Данька* – *Дашка* – *Даниэль*.

Важно отметить, что двуязычие (полиязыchie) старообрядцев в настоящее время охватывает всю антропонимическую систему. При этом мотивировки антропонимов даются носителями диалекта как на русском, так и на бразильском варианте португальского (уругвайском варианте испанского) языков, при этом возможно склонение антропонимов: «У нас Грипку больше зовут Льёрой. Всё белое: глаза, брови, ресницы, а Сиклетку – Пекенитой ([порт. *loira*] «блондинка»; порт. [реquenita] «малышка»)» [22].

2. Наименования животных: *дого* [исп. *dogo*] – «дог»; *гусан* [исп. *gusano*] – «червяк»; *траир* [порт. *trairo*] – «название рыбы траир»; *патка* [исп. *pata*] – «вид домашней утки»; *раса* [исп. *raza*] – «порода животных».

3. Наименования болезней и болезненных состояний: *тюмор* [исп. *tumor*] – «опухоль»; *канцер* [исп. *cáncer*] – «рак»; *невмония* [исп. *pneumonía*] – «пневмония»; *иктус* [исп. *ictus*] – «инфаркт».

4. Наименования частных владений с землей: *лома* [исп. *lote*] – «участок земли»; *чакра* [порт. *chakra*] – «участок земли с домом»; *фазенда* [порт. *fazenda*] – «ферма».

5. Наименования машин и техники: *машинерия* [исп. *maquinaria* «техника»] – «сельскохозяйственная техника»; *мота* [исп. *moto*] – «мотоцикл»; *фригорифико* [исп. *frigorífico*] – «холодильник, рефрижератор»; *камион* [исп. *camión*] – «грузовик»; *сембадора* [исп. *sembradora*] – «сеялка»; *косесадора* [исп. *cosechadora*] – «комбайн».

6. Наименования растений: *копаделейте* [порт. *copo de leite* «стакан молока, калла»] – «калла»; *мандариха* [исп. *manzanilla*] – «ромашка»; *ува* [исп. *uvas*] – «виноград»; *копаденёва* (исп. *copo de neva* «стакан снега») – «спирея»; *фижон* [порт. *feijão*] – «фасоль», *салада* [порт. *salada*] – «салат», *абобора* [порт. *abóbora*] – «тыква», *пимента* [порт. *pimentão*] – «перец», *темера* [порт. *tâmara*] – «финик», *каки* [порт. *caqui*] – «хурма», *фига* [порт. *figo*] – «инжир». Многие наименования растений, цветов, плодов являются экзотизмами, отражающими природу Южной Америки: *мате* [исп. *mate*] – «растение пабуб парагвайский»; *пиньон* [порт. *pitão*] – «плод растения пиния»; *манджиока* [порт. *mandioca*] – «растение маниока» и др.

7. Наименования ткани: *панома* [англ. *panama*] – «искусственный шелк»; *сэнтэтик* [англ. *synthetics*] – «любая синтетическая ткань»; *найл* [англ. *nylon*] – «нейлон»; *джардже* [англ. *jarget*] – «креп-жоржет»; *торгал* [англ. *torgal*] – «разновидность хлопковой ткани типа рубашечной с ярким рисунком».

Помимо заимствований из языков Южной и Северной Америки можно выделить немногочисленную группу слов, источниками которой являются славянские языки: польский и украинский. На проникновение в говор старообрядцев слов именно из этих языков указывают сведения о контактах старообрядцев с поляками и украинцами в Южной Америке [22]. К этой группе относятся наименования блюд: *вареники*, *пироги*, *бигос*, *фляги*, *голонка* и др.

Например, в говорах старообрядцев слова *вареники* и *пироги* обозначают «отварные изделия из пресного теста с начинкой из творога». Однако слово *пироги* обозначает изделия, идущие на продажу, а *вареники* – изделия, употребляемые дома. Начинка для *вареников* и *пирогов* состоит из творога, картофельного пюре и мягкого сыра. Во всех других случаях аналогичные блюда, но с начинкой из других продуктов в говорах старообрядцев называются *пельменями*.

Как объясняют информанты, раньше их старшие родственники не употребляли слов *вареники* и *пироги*. Данные лексемы были заимство-

ваны в 60-е гг. XX в. из украинского и польского языков у украинцев и поляков, переселившихся в Южную Америку в середине 20-х гг. XX в.

У занимавшихся производством продуктов питания и торговлей ими украинцев – эмигрантов из западных областей Украины отварные изделия из пресного теста с начинкой из творога, картофельного пюре и сыра назывались *пироги*. Пирогами называли вареники и эмигранты-поляки. В речи другой группы украинцев, переселившейся из Восточной Украины, употреблялось слово *вареники*. Познакомившись с блюдом, старообрядцы закрепили в речевой практике оба слова, получивших в говорах семантическую дифференциацию [22].

Наполнение лексико-семантических групп, включающих иноязычную лексику, представлено главным образом стилистически нейтральными или разговорными словами предметной семантики. Однако значительный пласт заимствованной лексики составляют слова книжного стиля, относящиеся к сфере официально-делового дискурса, что можно объяснить необходимостью вступать в деловые отношения с иностранным государством и его гражданами и отсутствием лексических эквивалентов в диалектном языке старообрядцев.

Назовём деривационные, семантические и парадигматические особенности заимствованной лексики книжного стиля:

1. Представленность разными частями речи: *абилитировать* – *абилитированный* (*абилитировать* – глагол [исп. *habilitar*] «получить официальное разрешение на использование чего-либо, оформить»; *абилитированной* – прилагательное [исп. *habilitar*] «имеющий официальное разрешение»); *конфликт* – *конфликтивной* (*конфликт* – существительное [исп. *conflict*] «конфликт, спор, недоразумение»; *конфликтивной* – прилагательное [исп. *conflictivo*] «конфликтный»).

2. Изменение структуры лексического значения заимствованного слова, следствием чего является развитие новых парадигматических отношений в говорах старообрядцев: *мирский* [диал. «не принадлежащий старообрядческой общине»]; *мирские* (о людях), *мирская посуда*, *мирская еда* – *поганый* [диал. со словами предметной семантики «не принадлежащий старообрядческой общине»]: *поганое полотенце*, *поганая посуда*, *поганый котелок* – *публичной* [исп. *publico*], «общественный, не принадлежащий старообрядческой общине»: *публичная дорога* – «общая дорога, не ведущая в деревню старообрядцев», *публичные машины* – «машины, не принадлежащие жителям старообрядческой деревни».

3. Многочисленность слов официально-делового дискурса, что позволяет выделить лексико-семантическую группу «Бизнес и деловые отношения»: *агенда* [исп. *agenda*] – «записная книжка, ежедневник, план работы»; *компромисс* [исп. *compromiso*] – «договоренность, договор, обязательство»: *заключить компромисс*; *приват* [исп. *privado* «частный»] –

«частная собственность»; *резерва* [исп. *reserva*] – «резерв»; *резумен* [исп. *resumen*] – «резюме»; *сайбер-кафе* [исп. *cibercafe*] – «интернет-кафе»; *туризма* [исп. *turismo*] – «туризм»; *ферия* [исп. *feria*] – «ярмарка».

Большая часть такой лексики используется в производственных областях, связанных с сельским хозяйством: *агрикультор* [исп. *agricultor*] – «земледелец, крестьянин, фермер»; *продуктор* [исп. *productor*] – «производитель овощей и фруктов»; *стансёр* [исп. *estanciero*] – «фермер, землевладелец»; *машинерия* [исп. *maquinaria* «техника»] – «сельскохозяйственная техника»; *фригорифико* [исп. *frigorifico*] – «холодильник, рефрижератор»; *камион* [исп. *camión*] – «грузовик»; *сембадора* [исп. *sembradora*] – «сеялка»; *косесадора* [исп. *cosechadora*] – «комбайн».

Лексическая интерференция проявляется в заимствовании иноязычных лексем, не имеющих исконных эквивалентов: *агента, лота, чакра, фазенда, огар, панкарта* и др.

Деривационные связи иноязычной по происхождению лексики имеют свою специфику. Словообразование в основном гибридное: часть слова (чаще всего это корень) из одного из языков Южной Америки, а словообразовательный и формообразовательный элементы – русские: *публичной* [исп. *publico*]: публич-н-ой; *абилитированной* [исп. *habilitar*]: абилитир-ова-нн-ой, *абилитировать*: абилитир-ова-ть; *конфликтивной* [исп. *conflictivo*]: конфликтив-н-ой.

Однако бывают исключения, влияющие на грамматические признаки заимствованного слова при его адаптации в русском языке. Так, слово *коммунизм* в русском литературном языке является существительным мужского рода, а в говорах старообрядцев под влиянием лексемы уругвайского варианта испанского языка *comunismo* и с учетом качественной редукции имеет форму женского рода *коммунизма*. Аналогичными примерами могут выступать слова *резерва* [исп. *reserva*] – «резерв»; *туризма* [исп. *turismo*] – «туризм».

Особенности функционирования и формы существования иноязычных слов в говорах старообрядцев – реэмигрантов чрезвычайно разнообразны. Можно говорить о начальном проникновении в говор таких слов, адаптации, усвоении и укоренении.

Об усвоении и укоренении иноязычной лексики в говоре старообрядцев-реэмигрантов свидетельствуют следующие факты:

1) слово имеет свободную сочетаемость: *публичная посуда, публичная дорога, публичные машины*;

2) развитые семантические парадигмы, например синонимические: *рефрижератор* [англ. *refrigerator*] – *желадерия* [порт. *geladeira*] – *фригорифика* [исп. *frigorifico*], «холодильник»;

3) развитые грамматические парадигмы: слово начинает склоняться, спрягаться, образовывать степени сравнения и под.: *В Macane*

в ребятах всегда хотел быть лидером, за это получил прозвище *Префейто* – глава. Старикам он не покорялся и всегда с ними спорил. Как-то раз деда Даниила вынудил, и он ему сказал: «Недаром тебя и прозвали Префейтом» [порт. *prefeito*] – «мэр» [14];

4) характерное для говора произношение: *коммунизма*, *конфликтной*, *публичной*, *ботаника*, *Доминика*, *спонсырь*, *супервайзырь*;

5) развитые деривационные отношения: *газолин* – *газолинка* – *газолиновый*; *фижон* – *фижоновый*; *пиньон* – *пиньевый* – *пиньоновый*;

6) слово не имеет зафиксированных в говоре синонимов-дублетов;

7) не осознается носителями говора как заимствованное;

8) фиксируется в речи большинства;

9) обладает высокой частотностью употребления.

На территории России говоры старообрядцев испытывают влияние со стороны литературного языка и местных региолектов. Так, были отмечены полные синонимы с более частотным употреблением в речи литературной или региолектной лексемы: *тятя* – *пана* (лит.), *фижон* – *фасоль* (лит.), *камион* – *грузовик* (лит.), *мамонька* – *свекровь* (лит.); *тятенька* – *свёкр* (лит.); *кафетерия* («кафе») – *чебанька* (регион. «кафе китайской кухни»); *круглый хлеб* – *булка хлеба* (регион.) и др. Предполагается усиление данной тенденции и вытеснение из речевой практики заимствованной из языков Южной Америки лексики, главным образом предметной семантики.

Заключение

Таким образом, наличие заимствованной лексики в говорах старообрядцев – реэмигрантов из Южной Америки на Дальний Восток России свидетельствует о языковых, культурных, экономических контактах старообрядцев с носителями иностранных языков.

Иноязычная лексика в разной степени активности функционирует в говорах старообрядцев-реэмигрантов независимо от поколения и страны исхода в различных тематических и лексико-семантических группах. Фиксируется начальное проникновение в говор таких слов, адаптация, усвоение и укоренение. Наблюдается активное проникновение в говор иноязычных антропонимов.

Заимствованная лексика стилистически дифференцирована. В настоящее время можно говорить о обиходно-бытовой и официально-деловой сферах речи старообрядцев-реэмигрантов с использованием слов иноязычного происхождения.

Не всегда можно точно определить форму и языковой статус заимствованного слова, однако признаки адаптации данной лексики к системе говора позволяют утверждать, что со временем её часть

может укорениться в адаптированной форме, а часть исчезнет с устраниением необходимости отражения действительности Южной Америки и под влиянием русского литературного языка и региолектов в метрополии.

Литература

1. Англо-русский словарь. Ок. 35000 слов / сост. В.Д. Аракин и др. Стер. изд. М.: Воскресенье, 1993. 605 с.
2. Аргудяева Ю.В. Старообрядцы в Приамурье и Приморье // Конфессии народов Сибири в XVII – начале XX в.: развитие и взаимодействие. Иркутск, 2005. С. 204–215.
3. Аргудяева Ю.В. Русские старообрядцы в Маньчжурии. Владивосток, 2008. 254 с.
4. Аргудяева Ю.В., Хисамутдинов А.А. Из России через Азию в Америку: русские старообрядцы. Владивосток: Дальнаука, 2013. 427 с.
5. Архипова Н.Г. Динамические процессы в лексике говоров старообрядцев Амурской области // Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи: материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. Улан-Удэ, 2015. С. 158–166. doi: 10.18101/978-5-9793-0771-8-158-166
6. Архипова Н.Г. Старообрядцы Амурской Области: история особенности языкового существования // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Вып. 14. Благовещенск, 2017. С. 52–56.
7. Архипова Н.Г. Антропонимы в речевой практике старообрядцев Южной Америки // Ономастика Поволжья: материалы XIX Междунар. науч. конф., посвящ. 220-летию со дня рождения лексикографа, собирателя фольклора и русского писателя В.И. Даля. Оренбург: Оренбург. книга, 2021. С. 90–95.
8. Архипова Н.Г., Куроедова М.А. Иноязычная лексика в говорах старообрядцев-реэмигрантов из Южной Америки на Дальний Восток России // Казанская наука. Казань: Рашин Сайз, 2022. № 9. С. 43–45.
9. Большой испанско-русский словарь = Gran diccionario español-ruso Gran diccionario español-ruso / под ред. Б.П. Нарумова. М.: Русский язык–Медиа, 2004. 828 с.
10. Большой португальско-русский словарь / сост. Е.Н. Феерштейн, С.М. Старец. М.: Живой язык, 2016. 936 с.
11. Вайнрайх У. Языковые контакты: состояние и проблемы исследования / пер. с англ. и comment. Ю.А. Жлуктенко. Киев: Вища шк., 1979. 263 с.
12. Виноградов В.А. Интерференция. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. 685 с.
13. Дальневосточный старообрядец. Харбин, 1935. 24 с.

14. Зайцев Д.Т. Повесть и житие Данилы Терентьевича Зайцева – «Альпина Диджитал» (Zayicev_D._Povest_I_Jitie_Danilyi_Te.a4.pdf). 2015. URL: <https://avidreaders.ru/book/povest-i-zhitie-danily-terentevicha-zayceva/> (дата обращения: 20.05.2025).
15. Кириллов А.В. Географическо-статистический словарь Амурской и Приморской областей с включением некоторых пунктов сопредельных с ней областей. Благовещенск, 1894. 465 с.
16. Лобанов В.Ф. Возвращение старообрядцев (1990–1913 гг.) // Россия и АТР. Владивосток, 1994. № 2. С. 15–28.
17. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Владивосток, 1904. Вып. 76: Приморская область. Тетр. 2.
18. Погодные ведомости состояния и учёта сектантов в Амурской области. 1900–1902 гг. Благовещенск, 1903.
19. Погодные ведомости состояния и учёта сектантов в Амурской области. 1903–1905 гг. Благовещенск, 1906.
20. Словарь русских народных говоров. СПб.: Наука, 1965. Вып. 1–51.
21. Старообрядцы-переселенцы // Церковь. 1912. № 12.
22. Фоноархив «Говоры старообрядцев Южной Америки». Дневники №№ 1–23 // Фонды Лаборатории региональной лингвистики. Благовещенск, 2001–2025.
23. Шведов В.Г. Расселение староверов на юге Дальнего Востока в XIX – начале XXI веков // Успехи современного естествознания. 2019. № 7. С. 146–153.

References

1. Arakin, V.D. et al. (eds) (1993) *Anglo-russkiy slovar'* [English-Russian Dictionary]. Moscow: Voskresen'e.
2. Argudyaeva, Yu.V. (2005) *Staroobryadtsy v Priamur'e i Primor'e* [Old Believers in the Amur region and Primorye]. In: Dulov, A.V. et al. (eds) *Konfessii narodov Sibiri v XVII – nachale XXv.: razvitiye i vzaimodeystvie* [Confessions of the Peoples of Siberia in the 17th – Early 20th Centuries: Development and Interaction]. Irkutsk: Irkutsk State University. pp. 204–215.
3. Argudyaeva, Yu.V. (2008) *Russkie staroobryadtsy v Man'chzhurii* [Russian Old Believers in Manchuria]. Vladivostok: RAS.
4. Argudyaeva, Yu.V. & Khisamutdinov, A.A. (2013) *Iz Rossii cherez Aziyu v Ameriku: russkie staroobryadtsy* [From Russia through Asia to America: Russian Old Believers]. Vladivostok: Dal'nauka.
5. Arkhipova, N.G. (2015) *Dinamicheskie protsessy v leksike govorov staroobryadtsev Amurskoy oblasti* [Dynamic processes in the vocabulary of the Old Believers' dialects of the Amur region]. *Staroobryadchestvo: istoriya i*

sovremennost', mestnye traditsii, russkie i zarubezhnye syvazi [Old Believers: History and Modernity, Local Traditions, Russian and Foreign Ties]. Proc. of the Conference. Ulan-Ude. pp. 158–166. doi: 10.18101/978-5-9793-0771-8-158-166

6. Arkhipova, N.G. (2017) *Staroobryadtsy Amurskoy Oblasti: istoriya osobennosti yazykovogo sushchestvovaniya* [Old Believers of the Amur Region: History and peculiarities of linguistic existence]. *Slovo: Fol'klorno-dialektologicheskiy al'manakh*. 14. pp. 52–56.

7. Arkhipova, N.G. (2021) *Antropomimy v rechevoy praktike staroobryadtsev Yuzhnay Ameriki* [Anthroponyms in the speech practice of Old Believers in South America]. *Onomastika Povolzh'ya* [Onomastics of the Volga Region]. Proc. of the 11th International Conference. Orenburg: Orenburgskaya kniga. pp. 90–95.

8. Arkhipova, N.G. & Kuroedova, M.A. (2022) *Inoyazychnaya leksika v govorakh staroobryadtsev-reemigrantov iz Yuzhnay Ameriki na Dal'niy Vostok Rossii* [Foreign vocabulary in the dialects of Old Believers-reemigrants from South America to the Far East of Russia]. *Kazanskaya nauka*. 9. pp. 43–45.

9. Narumov, B.P. (ed.) (2004) *Bol'shoy ispansko-russkiy slovar'* [Large Spanish-Russian Dictionary]. Moscow: Russkiy jazyk. Media.

10. Feershtein, E.N. & Starets, S.M. (eds) (2016) *Bol'shoy portugalsko-russkiy slovar'* [Large Portuguese-Russian Dictionary]. Moscow: Zhivoy jazyk.

11. Weinreich, U. (1979) *Yazykovye kontakty: sostoyanie i problemy issledovaniya* [Language contacts: the state and problems of research]. Translated from English by Yu.A. Zhuktenko. Kiev: Vishcha shk.

12. Vinogradov, V.A. (1990) *Interferentsiya* [Interference]. In: Yartseva, V.N. (ed.) *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Sov. entsiklopediya.

13. Anon. (1935) *Dal'nevostochnyy staroobryadets* [The Far Eastern Old Believer]. Harbin: [s.n.].

14. Zaytsev, D.T. (2015) *Povest'i zhitie Danily Terent'evicha Zaytseva* [The Story and Life of Danila Terentyevich Zaitsev]. [Online] Available from: <https://avidreaders.ru/book/povest-i-zhitie-danily-terentevicha-zayceva/> (Accessed: 20th May 2025).

15. Kirillov, A.V. (1894) *Geografichesko-statisticheskiy slovar' Amurskoy i Primorskoy oblastey s vklucheniem nekotorykh punktov sopredel'nykh s ney oblastey* [Geographical-Statistical Dictionary of the Amur and Primorye Regions, Including Some Points of Adjacent Regions]. Blagoveshchensk: [s.n.].

16. Lobanov, V.F. (1994) *Vozvrashchenie staroobryadtsev (1990–1913 gg.)* [The Return of the Old Believers (1990–1913)]. *Rossiya i ATR*. 2. pp. 15–28.

17. Russian Empire. (1904) *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 g.* [The First General Census of the Russian Empire in 1897]. Vol. 76. Vladivostok: [s.n.].

18. Russian Empire. (1903) *Pogodnye vedomosti sostoyaniya i ucheta sektantov v Amurskoy oblasti. 1900–1902 gg.* [Annual Records on the Status and Registration of Sectarians in the Amur Region. 1900–1902]. Blagoveshchensk: [s.n.].

19. Russian Empire. (1906) *Pogodnye vedomosti sostoyaniya i ucheta sektantov v Amurskoy oblasti. 1900–1902 gg.* [Annual Records on the Status and Registration of Sectarians in the Amur Region. 1903–1905]. Blagoveschensk: [s.n.].
20. Filin, F.P. (ed.) (1965-) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian Folk Dialects]. St. Petersburg: Nauka.
21. Anon. (1912) *Staroobryadtsy-pereselentsy* [Old Believer Settlers]. *Tserkov'*. 12.
22. Funds of the Laboratory of Regional Linguistics "Amur State University." (2001–2025) *Fonoarkhiv "Govory staroobryadtsev Yuzhnay Ameriki"* [Phonographic Archive "Dialects of Old Believers in South America"]. Diaries №№ 1–23. Blagoveschensk.
23. Shvedov, V.G. (2019) *Rasselenie staroverov na yuge Dal'nego Vostoka v XIX – nachale XXI vekov* [Settlement of Old Believers in the southern far east in the 19th – early 21st centuries]. *Uspekhi sovremennoego estestvoznaniya*. 7. pp. 146–153.

Архипова Нина Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, коммуникации и журналистики Амурского государственного университета, научный сотрудник лаборатории региональной лингвистики Амурского государственного университета (Россия).

Nina G. Arhipova – Amur State University (Russia).

E-mail: charli71@mail.ru